Елена Щуревич

Рождество Марии

повести и рассказы

Елена Щуревич
Рождество Марии

https://litres.ru/74786137
SelfPub; 2026

Аннотация

«Рождество Марии» — сборник короткой прозы, где в морозном воздухе витает не только запах хвои и марципана, но и запах перемен. Это истории о том, как в одно мгновение рушатся стены, которые мы строили годами, а самые тихие, незаметные люди вдруг совершают поступки, переворачивающие их мир.

Танцы открывают примерной жене и матери дверь в новую жизнь. Преданный кот ценой собственной жертвы разрывает круг бесконечных перевоплощений и получает прощение. Герои здесь из разных миров: бывший бизнесмен Витёк, влюблённый учёный на пенсии, три женщины, всю жизнь любившие одного мужчину, замкнутый программист Игорь, ивент-менеджер Кира, мечтающая подарить дом детдомовскому мальчику. У каждого из них своё чудо — порой горькое, порой ослепительно светлое.

Это книга о том, что чудо — не в падающих звёздах, а в смелом шаге навстречу себе или другому человеку, в слове, сказанном вовремя, в любви, которая приходит, когда её уже не ждёшь, и о прощении, которое делает самую тёмную ночь светлой.

Елена Щуревич
Рождество Марии

Повести и рассказы

Оформление обложки - Евгения Малюй

Рождество Марии

Мария решила помереть в Сочельник, не дожидаясь своего восьмидесятилетия. Вещи она начала раздавать еще до Нового года - говорят, что в других странах это считают доброй приметой. Правда, и раздавать-то много не пришлось - большинство предметов мебели у неё были ещё с советских времён. Кому они нужны? Но оказалось - нужны. Нашлись добрые люди, приехали, забрали ее барахлишко. Она и посуду, и тряпки, какие были, снесла в церковь поблизости. Там обрадовались бабульки богомольные. Звали на рождественскую службу. Мария задумалась было, но нет, отказалась. В молодые годы в Бога не уверовала, так нечего и в старости креститься.

Молодые годы Марии пришлись на время послевоенное. Не в сытости росла и не в радости. Жила в деревне. Родители колхозниками были. Когда отец на войну ушел, мамка оста-

лась с тремя - Мария самой младшей была. Худо-бедно пережили страшное время, вернулся отец. Правда, покалечен был - без ноги. Вроде и есть мужик в доме, и нет его, еще один ребёнок на материну шею. Пить стал. До войны был тракторист знатный. А после - взялся конскую сбрую ремонтировать да сапожничать. Старшие брат с сестрой, как только смогли, уехали из дома. Сестра куда-то в Молдавию, после писала, что замуж вышла. Но больше не свиделись. Не приехала она ни разу в родное село. Даже на´похороны матери и на последовавшие вскоре похороны отца. Телеграммку прислала - мол, соболезную, без меня хороните. Брат, тот на заводе в городе работал, приехал. Помог Марии и схоронить, и потом продать старый домишко. «Я бы тебя позвал, да некуда, - сказал брат. - Сам в заводском общежитии живу. А вот помочь на завод устроиться - это всегда пожалуйста. Приведу тебя в кадры – они найдут работу». На том и порешили. Было Марии чуть больше двадцати, когда навсегда уехала она от родного дома. Устроилась в заводскую столовую поваром. В колхозе-то она сразу после 7-летки пошла в столовую при промартели работать. Вот наука и пригодилась. Дали ей коечку в общежитии – чем не жизнь!

Так работала да жила потихоньку, скромно. Рядом с ней девчонки учились, замуж выходили, уезжали, а она все на своей коечке. С парнями стеснялась хороводиться. К книжкам тяги не имела. Так, бывало, придёт с работы, переоденется - да пойдёт гулять в парк по соседству. Бродит да лю-

дей разглядывает. А зимой - сядет у окошка и часами на улицу смотрит. Кто идёт, куда, кто кого встречает-провожает. Брат женился и с молодой женой уехал на Дальний Восток. Марию звал, да она не собралась. Чего там такого есть, чего здесь не найти?

Так и десять лет прошло. И стукнуло Марии 30. Ни ребёнка, ни котёнка. Только коечка в общежитии. Задумалась Мария, что вдруг и вся жизнь так пройдёт. Без пользы. Надо мужа найти. А как? Возраст уже такой, когда все порядочные женились да детей наплодили. А пьянчужка какой - так это беда, хуже не придумать. Да только тут Марии повезло. Подошёл к ней в парке как-то мужчина. Она как раз лимонад купила и стояла на ребятишек любовалась, что на качельке качаются рядом с мамашами. Заговорил. Мария хоть и стеснительная была, а разговор поддержала - он ей сразу приглянулся. Представился Иваном Егорычем. Все честь по чести. Сразу сказал, что бухгалтером работает в коммунальном предприятии. Зарплата небольшая, конечно, но на обзаведение хозяйством своим хватит. В кино позвал. Мария отказываться не стала. Сходили в воскресенье в кинотеатр, потом ещё погуляли в скверике. Проводил Марию до общежития. И тут Мария решилась. «Если вы, Иван Егорович, не женаты и намерения у вас серьезные, так нечего и время тратить. На кинотеатры. Я с радостью за вас пойду». Сказала Мария, поразившись своей смелости. Он если и удивился, то виду не подал. Улыбнулся только. «Вот, Маша, надо же.

А вы смелее меня, мужика, оказались. Я-то бы ещё долго не решился. Нет, не был женат. Тоже вот с девушкой одной дружил, а она не такая смелая, как вы, была. Ждала, ждала, пока я ее замуж позову, да бросила ждать. И меня тоже. Бросила».

Через месяц поженились. Сняли комнату сначала. Мария встала на очередь, когда завод начал «свои» дома строить. Там Марии с мужем через три года и дали квартиру. А их к тому времени уже трое было - сынок Илюшенька родился. И тут Мария поняла, что такое счастье. Не могла она на сыночка наглядеться, на кровинушку. Пылинки сдувала. На себя лишнюю копеечку не потратит, а сыночку и конфетку подороже, и яблочко самое сладенькое. И игрушки покупала, какие только в магазин привозили. И самокат импортный достала для любимого дитятко. «Балуешь ты сына, мать. Зря, ох, зря», - только однажды высказал своё мнение Иван. Мария промолчала. Твое дело, мужское - строжиться, а мое, женское - лелеять да в радости растить. В такой радости, какой у меня самой и духу не было.

Рос Илюшенька смышленым. Учился хорошо. Футболом занимался. Школу окончил с отличием. И тут настигла Марию беда - решил сынок ехать в столицу на учебу. Как ни отговаривала, ни упрашивала - нет, говорит, хочу в лучшем университете учиться, в самом большом городе жить. «Хоть ты, Иван, запрети ему. Отец же!», - попыталась было мужа на свою сторону привлечь, да не тут то было.

- Хочет - пусть едет. Только сам на себя пусть рассчиты-

вает. Я уже на пенсию собираюсь. Сил уже нет, чтобы его в столице кормить. Да и у тебя годы уже не те. Надо и о себе подумать. Для себя пожить, порадоваться.

В первый раз обиделась на мужа Мария, что сына не остановил.

- Ты будто рад даже, что он уедет! - в сердцах сказала тогда и ушла на кухню. А муж поспрашивал по своей родне да нашёл каких-то троюродных сестёр в столице, которые приютили Илюшу на время экзаменов. Поступил сынок в университет. В общежитие заселился. На историка стал учиться. Да по партийной линии двигаться. Мария-то всегда беспартийной была. Да и муж как-то без партбилета обходился. «Мы - люди маленькие. Безыдейные. Наше дело - жить честно. Вот и наш кирпичик на пути строительства коммунизма местечко займёт», - так поговаривал Иван. То ли всерьёз, то ли посмеивался. Не поймёшь.

Очень Мария скучала по сыночку, но гордилась. Виданое ли дело - учиться в самой Москве. Да ещё и с отличием! Только одно огорчало Марию - совсем Илюшенька перестал на старших курсах домой приезжать. Она-то всю свою зарплату столовскую ему отсылала. Даже когда Иван на пенсию вышел и стало совсем трудно - пенсия у бухгалтера оказалась совсем скромная, как и зарплата. Но Мария не жаловалась. После войны ещё труднее было - пережили. А тут уж чего.

Только одного боялась, что заберут сыночка в армию да в далекий Афганистан отправят на погибель. Но и тут судьба

Марию пожалела - оказалось, что у Илюшеньки зрение слабое - негодным он оказался к военной службе. Сразу после окончания университета взял его московский профессор в аспирантуру к себе.

- Ох, сынок, думала ты вернёшься, после учебы, - расстроилась Мария, когда радостную новость сын сообщил по телефону. Телефон к тому времени удалось домой провести, а то только с телеграфа созванивались - по часу, бывало, ждать очереди приходилось.

- Мам, ты понимаешь, это один шанс на миллион был. Что меня возьмёт себе в аспирантуру! Светило! Авторитет! С его помощью я горы сверну!

- Хорошо, хорошо, сынок, да лишь бы ты счастлив был и доволен, а уж мы с отцом за тебя порадуемся. Что отложила - я тебе пришлю, ты не волнуйся...

- Давай, мам! Мне сейчас они ещё как пригодятся - аспирантура, сама понимаешь...

Мария понимала одно, что ещё несколько лет сын толком на ноги не встанет, но раз так ему лучше, то и слава Богу. Так и жили - ничего лишнего не позволяли себе. Каждую копеечку откладывали. А Илюшенька молодцом - научную работу в срок написал и на защиту вышел. Прислал, правда, телеграммку «Мам, очень нужны деньги на банкет». Думала Мария не долго: достала неприкосновенные - похоронные свои. А что? Всякое в жизни бывает - все под небом ходим. На этот случай были у них с Иваном отдельные накопления.

И отослала сыну. Мужу не сказала - помирать, вроде, не собиралась пока. А Илюшенька, конечно, отдаст, когда работать устроится. Не зря же столько лет учился – старался, сокол наш ясный. Защитил кандидатскую Илюша. Сказал, что хвалили его профессора, убеленные сединами. До чего же радостно было в этот лень у Марии на душе.

Но где радость, там и беда. Врачи нашли рак у Ивана. Откуда что взялось. Не известно, говорят, сколько проживет. Посудили с мужем - сообщать сыну или нет. И решили, что не надо. Вот приедет же в гости. Может, зимой, тогда и скажем.

- У него там своя жизнь, интересная, к чему ему наши с тобой хлопоты? Да и не врач он у нас - чем поможет?

На том и порешили. Через пару месяцев пришлось Марии уволиться из своей столовой, чтобы за Иваном ухаживать. Слёг он, как будто день за днём угасать стал. «Надо сыну сказать», - решила Мария. Позвонила в университет – другого-то телефона и не было у неё. А на кафедре говорят - уехал на научную конференцию. За рубеж. Будет через неделю только. Передадим. Стала Мария деньки считать. Вот и неделя прошла, другая. Иван вовсе вставать перестал - видно, совсем съела его болезнь. Мария снова позвонила - занятия у него, говорят, позвоните позже. Позвонила Мария еще раз - дома уж ночь была. Взял трубку сынок - как услышала голос родной любимый, не удержалась - расплакалась. Так-то в строгости себя держала - не давала воли слезам. А тут

запричитала.

- Отец слёг совсем, сынок. Уж не поднимется. Не знаем, сколько ещё продержится. Ты бы сел на поезд или самолёт лучше - ещё успеешь отца повидать, поговорить. Уж сколько лет не видели тебя, хоть посмотрит на тебя перед смертью. Порадуется...

Тишина потянулась к Марии с той стороны трубки. Плотная такая, холодная тишина. Разъединили! Подумалось. Но нет - услышала, как пошевелился сын, ответил кому-то в другой действительности, далекой и совершенно чужой и незнакомой.

- Мам, я же женился на днях. В отпуск собираемся, в медовый месяц. Все хотел вам позвонить, да как-то некогда. Хлопоты. Сама понимаешь.

Мария не понимала.

- Илюшенька, ты не расслышал, видно, меня. Отец, говорю, совсем плохой. На дни счет идёт.

И снова тишина.

- Мам, мне правда, никак. У меня, правда, поездка на днях. Удалось путевку за границу получить. Понимаешь? Сейчас если откажусь, когда еще такая удача! А с сентября занятия - у меня же работа, график. Давай, мы на зимних каникулах к вам приедем - и с женой познакомлю тебя. И папку...

- Так что же я отцу скажу?- растерянно и скорее для себя спросила Мария.

- Ты передай, что я люблю его и мне, правда, очень жаль, но - никак не могу. Пора мне! Я как вернусь - обязательно позвоню...

Короткие гудки показались ей точно такими же, как показывают в кино, когда в больнице на большом аппарате начинает ползти ровная строка, и ты понимаешь, что перестаёт биться человеческое сердце.

- Не дозвонилась я, отец. Говорят, в командировке он. Далеко. Уехал опытом обмениваться. Позвонит, как вернётся, так сказали.

Мария лгала не часто. Так, по мелочам. Муж выслушал молча. Ничего не сказал, только слабо пожал ей руку. Поверил ли? Нет? Этого она уже не узнала.

Похоронили Ивана через пару недель. В воскресенье, на новом кладбище. Место это было открытое - поле у бывшего колхоза отобрали и вот, вместо качанов капусты - выросли на нем тем летом первые памятники. Народу на похороны пришло много - как никак всю жизнь Иван на одном месте проработал, не скакал, не искал от добра добра. Много хороших слов услышала Мария в этот день. И хотя тоскливо ей было как никогда, но слова эти душу грели. За достойным человеком замужем была. Не чета, вон, соседкам, кто с забулдыгами век коротает.

Отвела Мария и поминки, и девять дней. Все честь по чести. Только все накопления и растратила. Соберись сама на тот свет - и похоронить будет не на что. Подумала-подумала

Мария да решила - зачем ей одной двухкомнатная квартира? И подала объявление в газету - мол, обменяю с доплатой. Доплату решила просить скромную - чтобы хватило на переезд и на будущие похороны. В пару недель дело сладилось. Только раз всплакнула Мария, когда уносили грузчики из их дома стол круглый, за которым они с Иваном да Илюшенькой обедали по праздникам, стали в кузов класть да поломали.

- Ты уж не злись хозяйка, давай вернём тебе за него деньги. Наша вина. Сколько? - бригадир - заросший щетиной мужик с трехдневным перегаром неловко переминался с ноги на ногу, пока Мария не махнула рукой - пришла значит ему пора.

- Так я, может, его на дачу заберу. Подшаманю?

- Бери, сынок, он ещё крепкий, сдюжит, только с виду старый да потертый. – «Как и я сама», - подумала Мария, когда с трудом забралась в кабину грузовичка и, не оглядываясь, отправилась в свою новую жизнь.

Непривычно было Марии в новой квартире – на пятом этаже. Не то, чтобы тесно, но все ей казалось, вот дверь откроется – и выйдет к ней ее Иван Егорыч. Оглянется, а и двери нет – стена, и Иван Егорыч разве что с фотографии в черной рамке на нее смотрит. Ласково так, мол, Мария, не грусти – еще увидимся мы с тобой. Живи, радуйся!

И Мария в руки себя взяла. Ей ли слезы лить – руки-ноги на месте, здоровая, вот даже у зубного впервые побывала – первую пломбу поставили. Крепкая, еще много лет сдюжу.

И задумалась Мария, где может быть полезной?

Ответ нашелся сам собой. Шла она мимо дворами и видит – ограда, а за ней дом большой, вроде бы детский сад, да какой-то не такой. Какие-то детки с воспитателем за ручку еле-еле идут, другие и того больше – в колясках сидят. Мария нашла калитку и потихонечку зашла. Видит – дверь, а на двери табличка «СПЕЦИАЛЬНЫЙ (КОРРЕКЦИОННЫЙ) **ДЕТСКИЙ ДОМ** № 2 ДЛЯ **ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ** ЗДОРОВЬЯ». Жалко стало Марии деточек. «Вот тут и сгожусь!». Мария решительно дверь распахнула и прямо на первом этаже увидела дверь с табличкой «Директор».

Директор оказалась женщиной еще молодой. Усталой и грустной. Годы были такие, 90-ые – тут не знаешь, как своих детей прокормить – а у нее за плечами 30 больных ребятишек. На работу никто не хочет идти – тяжело с ними, а платят копейки. И тут, чудо чудесное, женщина пришла – пусть и пенсионерка, но крепкая, видно, что и коляску спустит, и ребятёнка пересадит, да и сама вызвалась, даже про зарплату не спросила. Чудеса!

Так и началась у Марии другая жизнь. Она лет пятнадцать проработала в своем детском доме. И плакала и радовалась. Радовалась, когда деток в семью забирали, плакала, когда во взрослый интернат переводили. Но радовалась Мария чаще - кто-то самостоятельным становился – в вуз поступал, в общежитие уезжал, кто-то даже за границу. Когда везде ком-

пьютеры стали появляться, многие ее детки выучились – стали какие-то программы писать. Даже были такие, кто «на ноги» встал и денег детдому перечислил. Мария, конечно, ничего в этом не понимала, от компьютеров держалась подальше. Даже когда все уже телефоны сотовые завели – все своим обычным домашним пользовалась. Это когда ее на пенсию окончательно проводили – ей уж к семидесяти было – тогда вот первый телефон и подарила директриса. Не та, к которой Мария устраиваться пришла, нет, другая. За время работы Мария не одну повидала. Но последняя была толковой. Нашла разных спонсоров – благодетелей, коллектив держала строго, к детям была не ласковой, правда, но и не жестокой. А Мария за годы работы в детдоме поняла одно – главное, чтобы не жестокие люди сюда приходили. Когда без любви это еще полбеды, а когда со злобой да ненавистью в сердце – тогда добра не жди.

Не хотела Мария уходить, еще могла она и коляску спускать со второго этажа, глаза, правда, стали сильно подводить, очки не очень помогали, а операцию делать не хотела – не привыкла по больницам. Но вышел новый указ, так объяснила, директриса, теперь без педагогического образования ни-ни. Нельзя к деткам допускать – непрофессионально это. Мария покивала, что тут скажешь – кто она против тех, кто такой указ написал? Вздохнула, накрыла стол коллегам, приняла подарки – и ушла на покой.

Тоскливо было Марии – ведь не привыкла она, как другие

бабки, на лавке рассиживаться. А занять себе было нечем. Тогда Мария вспомнила, что у нее в подвальчике – в сухом и теплом – хранятся в коробках книги Ивана Егорыча. Раньше-то она не очень чтением увлекалась. Не была приучена. А Иван-то Егорыч очень книжки любил. С каждой зарплаты хоть одну – да купит. Мария иногда ворчала – пылесборники, и куда тебе их столько? Дома - как в библиотеке. А он улыбался и не спорил с ней, только говорил: придет время и пригодятся. И правда - пригодились! Перетащила Мария потихоньку все книжечки в комнату, шкаф заказала даже – расставила по алфавиту. Думала, с чего же начать? И решила, сначала своих, русских писателей почитает, а потом уж и тех, импортных, осилит.

И снова Мария как будто родилась заново! Столько для нее открылось новых миров, судеб, историй, сколько она и представить не могла! Дважды перечитала Мария «Анну Каренину». Много думала. А как бы она поступила на месте бедной Анны? «Хорошо, что я встретила один раз человека – и стал он для меня единственным. Не дай Бог, такие мучения – разрываться между сыном и тем, молодым. Не приведи Бог!», - думала Мария, и где-то внутри снова открывалась вроде бы подзажившая рана. Как сын-то? Все ли хорошо с ним? Но Мария слабый голосок той, прежней Маши тут же глушила. «Нет у меня сына. Был и нет. Зла не желаю ему, но и сердце свое рвать не буду. Так ведь, права ведь я, Ванюша?». Так говорила себе Мария в минуты слабости и смот-

рела на портрет мужа – поддержки искала. Но молчал Иван Егорыч, никакого знака не подавал.

Прочла Мария все книги мужа и стала частой гостьей в библиотеке по соседству. Там по осени и познакомилась с Надей – соседкой, которая на первый этаж заселилась. Нравилась ей Надя. Часто Мария, пока выбирала книжку, наблюдала за той – как она ласково книги с полок берет, не хватает, как попало, а будто хрусталя ценного касается. Улыбается, думая о чем-то своем. Но скоро улыбка с лица Надиного пропала. «Неладно что-то у нее, эх. А хорошая женщина, добрая!», - грустно думала Мария. И дочка Нади - школьница Женечка, ей нравилась. Часто забегала к ней, старухе – то шоколадку принесет, то Надины пельмешки домашние, то просто – спросит, не нужно ли чего. «Вот если бы у меня такая внучка была, - думала Мария мечтательно. - Как было бы хорошо! «

Пришла бы к ней внучка в гости в воскресенье, с утра. А Мария-то уже подготовилась – блинов напекла, варенье в вазочке поставила на стол, чай душистый заварила. Сидели бы они за чайком. Мария бы рассказывала байки из своей молодости, да у нее, у девчонки, бы секреты расспрашивала. Но не для того, чтобы воспитывать или советы давать. А просто так – из любви. Но не было у Марии ни внука, ни внучки. А Женечка тоже реже заходить стала. Хмурая пробежит мимо, если во дворе встретятся, поздоровается и дальше. «Как будто порчу кто на них навел», - думала Мария. И когда Же-

ня пришла и не удержалась – рассказала ей про свою беду, Мария только руками развела – ну чем тут поможешь? Раз другую полюбил отец. «А мне никто помочь не может, баб Маша. Только чудо да Дед Мороз. Только мне не семь – и я уже в него не верю», - грустно сказала Женя, когда уходила. «Бог поможет, деточка». Женя покачала головой: «И в него не верю, баб Маша. А вы разве – верите? Чем он вам помог?».

Ничего не ответила Мария. Но все время к этому разговору возвращалась. А есть ли Бог? Может, нет его. А ежели и есть – то почему же не помог? Ни Ивану Егорычу, ни ей, ни Наде, ни деткам из ее детдома, ни миллионам других, тех, кто плачет сейчас по всему миру? «Нет тебя, - сердито сказала Мария, глядя в окно, за которым шел редкий снег. – А раз так, то не тебе решать, когда мне помереть. Вот сама и решу. Хватит, нажилась. Пойду к Ивану Егорычу. Если там есть что-то, то хоть рядом с Ваней буду дальше. А если нет – то и ждать тогда нечего». Решила Мария, и как будто тяжелый груз с души спал. Стало ей легко. Выбрала она Сочельник – времени подготовиться было предостаточно. Чтобы не как попало, в суете – а по порядку с жизнью проститься.

Отдала Мария соседке Любе в обед последние пожитки. Объяснять не стала – мол, хочу в гости поехать, к родне. А пока гостить буду – ремонтом придут заниматься. Вот и раздаю все старое. Все равно потом не пригодится. И Люба поверила. Как и все остальные – ведь почему не поверить, ко-

гда тебе вещи отдают просто так, задарма.

Пришел вечер. Мария надела специально приготовленное синее платье – красивое, шитое из шерсти когда-то давно – для особых случаев, повязала аккуратно новый платок – с птицами, колечко свое обручальное достала, на шею повесила – мало оно ей стало. Вроде бы не потолстела Мария, а все равно – не лезло колечко – суставы мешали. Нашла свои лаковые туфли – в театр она в них ходила с Иваном Егорычем много-много лет назад. Что смотрели, не помнила, а вот пирожные вкусные, которые ей Иван Егорыч в антракте купил – вспомнила. Даже вкус того пирожного на языке почувствовала. Примерила – давят. Поставила рядом с кроватью и осталась босая.

- Вот я и готова! – вслух произнесла Мария. В пустой квартире ее слова прозвучали странно, как будто не она говорила – а другая какая-то женщина. Статная, несмотря на возраст, высокая, нарядная. Мария села на кровать – ее одну оставила в комнате. Не на полу же? Легла на покрывало и выдохнула. Вот и все. Прошла жизнь. Как снежинка – пролетела мимо, не разглядеть, не вернуть.

- А ведь я виновата перед тобой, Ваня. Не по любви пошла – а от безысходности. Не хотелось-то в старых девах ходить. И Илюшеньку-то я, пожалуй, больше тебя, Ваня, любила – души не чаяла. И это я его испортила, изурочила своей любовью. Только поздно поняла – не исправить. Так что ты уж, Ваня, прости меня – что с меня взять, была неграмотная,

книг не читала, думать не умела. Была у сердца материнского на поводу. Но ни в чем другом, Ваня, не грешна перед тобой. Была тебе женой верной, да и полюбила тебя со временем. Да как тебя было не любить? Заботливого, честного, работящего. Жалко мне, что только сейчас все книги твои прочла. Эх, вот раньше мы с тобой сели бы да хорошо и поговорили, а я дура была. А за Илью не переживай – сердце материнское чует, если бы горе да беда. Все хорошо у твоего сына. Живздоров. Только вот не отыскал он меня, да может и не искал вовсе. Об одном горюю – внуков я своих не видела, Бог не дал. Если бы мне хоть во сне приснились. Но нет. Да и есть ли они, внуки-то?

Пока Мария вела этот монолог, вокруг стемнело и комната ее погрузилась в тот особый зимний полумрак, когда лунный свет, отраженный от снега, и сияние ярких льдистых звезд не дают темноте заполнить пространство, рисуя сияющие узоры не только на окнах, но и внутри даже самой темной и пустой комнаты, самой одинокой и опустевшей души.

И вспомнилась Марии зима из ее детства. Как лежит она на русской печи, на овчине, рядом с братом и сестрой. Темно, а мать сидит у окна, у керосинки, вяжет да песню поет.

- То-о ни ве-етер ве-е-етку кло-нит…Не-е дубра-авушка-а-а шумит… То-о мое-о мое сердечко сто-онет, ка-ак осеенний ли-и-ист дрожит…..

Тихо запела Мария, и вместе со старинной песней словно полетела вверх ее душа: сквозь бетонную плиту потол-

ка, драный рубероид, и дальше, выше, куда-то, откуда тек на Марию из незашторенного окна льдистый лунный свет.

- Вот и смерть моя пришла, - подумала Мария, услышав легкий скрип открываемой двери и осторожные шаги в темноте.

- Что крадешься? Я – жду. Приготовилась. Свет не включай! Не хочу твою рожу в последний миг видеть. И молчи! Дай мне свою песню допеть! – грозно прикрикнула на Смерть Мария. Та оторопела и замерла.

А Марии того и надо. Вдохнула она поглубже и заголосила:

- И-извела-а меня тоска-кручина, по-одколо-одная-а-а змея! Догора-ай, гори моя лучинушка, до-огорю-у с тобо-ой и я! Догора-ай, гори моя лучинушка. До-огорю-у с тобо-ой и я…

Мария дослушала эхо от своего голоса и закрыла глаза.

- Вы извините, пожалуйста, я, наверное, не вовремя…

Мария глаза открыла – голос у Смерти был совсем не противный и не страшный, приятный мужской молодой голос.

- Да уж тебе лучше знать, - хмыкнула Мария и попыталась вглядеться в темноту. Ни косы не было видно, ни каких-то других признаков гостьи-душегубки.

- Я ищу человека одного – Марию Федоровну Петрову. Мне в ЖЭУ сказали ваш адрес.

Мария задумалась – странно, чего это Смерти по ЖЭУ расхаживать? От любопытства Мария на кровати приподня-

лась.

- Мария Федоровна, это вы?

Мария села на кровати и опустила на пол босые ноги.

- Я это. Мария Федоровна Петрова, урожденная Лазарева. Там, где стоишь, выключатель по правой стороне, пошарь.

Свет вспыхнул так ярко и оглушающе, что Мария крепко-крепко закрыла глаза.

А когда открыла – сразу поняла: в Рай попала. Вот он – молодой Иван Егорыч перед ней на коленках стоит, за руку взял, улыбается. Только стрижка у него какая-то странная, модная, да волосы рыжеватые, а был-то в юности темноволосый. И в джинсах. Совсем растерялась Мария.

- Я – Ваня. Иван Ильич Петров. Я - ваш внук, - улыбаясь и ртом, и глазами, сказал ей гость.

- Внук? – растерянно повторила Мария.

- Да. Я из Москвы сегодня прилетел – хотел до Нового года, но шеф не отпустил, пока релиз не сдали.

- Ваня, говоришь? – еще раз переспросила Мария, и он кивнул.

Подняла глаза Мария – увидела на стене портрет своего Ивана. «Забыла, значит, я портрет-то твой снять перед смертью, Иван Егорыч, вот дура старая», - подумала Мария и показала внуку рукой:

- Значит – бабушка, говоришь? А вон там - дедушка. Сними-ка да садись рядом. Поговорим. Ночь-то впереди длинная.

За окном начал падать тихими крупными хлопьями снег. В храме по соседству во всю шла праздничная служба. В небе сияла одинокая лучистая звезда Рождества.

2023 – 2026 гг.

Если снежинка не растает

Несмотря на предновогоднюю атмосферу, которая с самого начала недели слегка пьянила всех обитателей офиса, совещание было как раз таким, какие Валентин ненавидел до головной боли. Когда столичный шеф долго и нудно рассуждал о целях компании в масштабах страны, затем о стратегии развития в регионе, а уж под конец – о местных ресурсах, которые, при всей своей скромности, по каким-то ведомым только руководству причинам должны были привести к победе над конкурентами. Обычно в это время Валентин думал о чем-нибудь постороннем. Иногда, если удавалось сесть от московского гостя подальше, переписывался с Кирой. Сегодня, правда, как назло, москвич сидел прямо напротив Валентина и, такое ощущение, все время вещал лично ему. Это раздражало еще больше, особенно, когда за окном повисли сумерки, и Валентин понял, что совещание плавно перешагнуло границы этого рабочего дня навстречу перспективе завершиться ночью следующего.

Телефон задергался под рукой, и Валентин автоматически нажал на «прочесть». Скосив глаза, он прочитал сообщение

Киры и как будто провалился в черную дыру, куда не доносились ни голоса, ни шуршание листов, ни скрип стульев.

«Valli, я решила. Все, ухожу. Завтра скажу Герману».

Валентин представил Киру, которая сидит на подоконнике, поджав худые ноги в полосатых гетрах, одной рукой набирает сообщение, другой, нервничая, несколько раз закидывает за ухо волосы, и, отослав, ждет его ответа, постукивая телефоном по рыжей керамической вазе, которая раза в три толще нее самой и занимает полподоконника. «…а результативность и эффективность кампании оценит со свойственной ему технологичностью и глубиной наш многоуважаемый Валентин Романович». «Если добавить: «я не вижу ваши светлые глазки», - будет совсем как в школе», - подумалось в этот момент Валентину с неожиданной злостью на москвича, но он вежливо улыбнулся и отложил телефон в сторону. Остаток совещания Валентин просидел, тупо уставившись в распечатку презентации.

Валентин, как всегда, не ошибся в прогнозах – москвич удалился восвояси уже после полуночи, после чего коллеги рассосались буквально за пять минут. Валентин с облегчением проводил взглядом чрезмерно заботливую секретаршу Соню, погасил свет в кабинете, оставив только немощную и, скорее, декоративную лампочку около монитора, и подошел к прозрачной, стеклянной от пола до потолка, стене, за которой расплывчатыми огоньками новогодних иллюминаций переливался центральный проспект.

Телефон молчал. В первый момент он подумал, что Кира, не получив ответа, обязательно ему позвонит, надо будет брать трубку и что-то ей говорить. А что, он не знал. Но она, на удивление, не звонила. Хорошо это было или плохо, Валентин понять не мог.

Из дома тоже не звонили. Но этому он не удивлялся: жена привыкла к его поздним возвращениям (…работа такая, а как иначе в наше время?...). Да и, если честно, Валентину уже несколько лет казалось, что она вообще перестала по этому поводу беспокоиться, а сейчас и вовсе - искренне получала удовольствие от того, что большинство вечеров (прошлой осенью дочь уехала учиться в столичный вуз) проводит одна.

Валентин взглянул на похудевший календарь - до Нового года оставалось три дня.

***

«До Нового года осталось два дня». Кира получила уведомление о приближающемся празднике на телефон в 8 утра (…вот дура, зачем вечно цепляю левые рассылки?) и поэтому проснулась одновременно с мужем. Герман уже встал с постели и делал ежеутренние упражнения или, как он подшучивал, когда был в хорошем настроении, «микс асан и советской физзарядки».

Кира снова закрыла глаза. Но муж уже заметил ее раннее пробуждение и стал щекотать пятку:

- Вставай, просыпайся, кто рано встает…

- …того жизнь заключает… - буркнула Кира и скрылась в ванной. Почистила зубы на два раза, умылась, посидела на краю огромной черной ванны (о которой свекровь заметила: «странные у вас, девушка, вкусы…»), в надежде, что утренний моцион избавит от необходимости поддерживать разговор с ничего не подозревающим и, на удивление, беспечным супругом. О, если бы он знал! Какие беспредельно сильные и разрушительные чувства владели ею последние два месяца. Нет, конечно, Valli она знала много дольше – даже не вспомнить, когда впервые увиделись, наверное, на каком-то ивенте, который Кира организовывала от лица событийного агентства, где работала последние несколько лет. И даже когда у них завязался роман, ей не казалось, что в жизни ее что-то изменится. У нее за время их с Германом брака, которому совсем недавно был отмечен рубеж в 7 лет, пару раз уже были мимолетные легкомысленные интрижки, хотя там и до поцелуев дело не доходило, а куда уж - что посерьезнее. Но в этот раз Кира поняла, что ее привычная, обыденная, жизнь, наполненная ежедневными хлопотами, лопнула с треском как огромный воздушный шар – пшшшшшш!!! – и скукожилась в маленький жалкий бесформенный клочок, как всегда бывает даже с самыми великолепными, парящими в небесах, воздушными шарами.

В тот день вечером она шла домой с парковки – и внезапно пошел первый снег: крупный, мягкий, неторопливый… Когда звякнул телефон привычным пиликаньем только что

пришедшего сообщения, Кира даже не сразу достала его из кармана. Вообще не хотелось ни о ком ничего слышать, так тихо и спокойно было кругом. Телефон пропиликал настойчиво снова и снова, и она открыла и прочла сообщения, сначала даже не взглянув на отправителя: «Кир, вечер чудо. Я на набережной. Очень хочу с тобой, только с тобой. Не удивляйся и не задавай дурацких вопросов. Valli».

И в этот момент, хотя не было ни банальных «я тебя люблю», ни многозначительных взглядов, ни даже каких-то откровенных и простых прикосновений – она все поняла. Про себя. Про него. Про то, что любовь, безудержная и всеохватная, как снежный водоворот вокруг нее, подхватила, увлекла, утянула… И что нужно расставаться с мужем.

Правда, дело до разговора с Германом дошло только сейчас. Хотя шел уже второй месяц безумного, сносящего все крыши в ее голове, романа. Она теряла и забывала вещи. Не помнила о встречах с клиентами и не сразу понимала, о чем идет речь, когда Герман за ужином обсуждал с нею планы на выходные и предновогодний ремонт. Зачем-то ему вздумалось внезапно отремонтировать пустовавшую уже лет пять третью комнату в их квартире. Когда они сюда заехали, оба выбрали для гостиной не самую большую комнату, а ту, что соседствовала с кухней – объединив ее в модное ныне пространство кухня-гостиная. В еще одной «малышке» они устроили себе спальню. А самая большая – самая солнечная комната пустовала. Ее облюбовал Михаил – рыжий кот с

проплешиной на боку (следствие бурной дворовой юности), которого Герман притащил домой с год назад. Изо дня в день Михаил дремал ровно посередине просторного помещения в косом прямоугольнике, очерченном солнцем, вставая только для отправления естественных кошачьих потребностей и чтобы подкрепиться. Иногда Кира забывала про кота, и из-за этого ей было совестно. Впрочем, Гера исправно следил за наличием свежей воды и корма в миске.

- Слушай, давай до нового года комнату в порядок приведем.

- Зачем?

- Ну…

- Кабинет хочешь себе? - предположила Кира.

Гера как-то неопределенно промычал, собственно, на этом и порешили. Был этот разговор несколько недель назад. В это время все дни в Кирином сознании слепились в один снежный страстный ком, и про комнату она не вспоминала до сегодняшнего дня.

Сидя на подоконнике, она не только решила, что сегодня нужно будет обязательно поговорить с Герой, но и задумалась о комнате.

Елки-палки. Ведь эта комната просто идеально подходит для…

Герман сбил ее с мысли, заглянув в спальню. Он был уже одет и собирался на работу. Герман, аккуратный и системный во всем, никогда никуда не опаздывал. И Кира вдруг

поняла, что сегодня случилось что-то безумно странное. Ее муж был все еще дома, хотя рабочий день уже начался.

- Я сегодня отпросился. У меня дело есть одно. Я хотел с тобой серьезно поговорить, - он чувствовал себя очень неловко и как будто опасался заходить в комнату.

- Герман, это я… я должна была с тобой поговорить. Давно. Я страшно виновата, что молчала. Но…, - слова сами вдруг полились рекой, и Кира почувствовала, что их не остановить. – Я встретила другого мужчину. Очень его люблю. Нам нужно развестись. Срочно!

Она замолчала и почувствовала пошлость и примитивность всего сказанного. И сразу величественная картина ее чувств со скоростью несущегося с гор грязевого потока превратилась в обыденную мазню, что продается на блошином рынке. Киру передернуло. Но сказанного не воротишь.

Герман замер. Они так и стояли. Она, соскользнув в порыве откровения с подоконника, но опершись на него, и он – в дверном проеме, так и не решившись сделать шаг в комнату.

- Что же ты? Что же ты молчишь?

- А что ты хочешь услышать? Будь счастлива, я рад, что ты, наконец, кого-то полюбила?

- Ну, скажи, что я - дрянь, предательница, что еще говорят в таких случаях?

- Знаешь, со мной это в первый раз. Думаю, да. Ты права. Я рад, что ты, наконец, все рассказала и тебе больше не нужно врать. – Герман посмотрел ей прямо в глаза, и Кира

отвернулась. – Я рад, что ты полюбила.

Не открывая глаз, Кира услышала, как он шагнул – к ней? Но нет, следующий шаг звучал глуше, еще один, еще, хлопнула дверь – и Кира осталась один на один со своей внезапно и бесповоротно, как ей казалось в этот миг, все изменившей и разрушившей правдой.

Телефонный звонок заставил ее стряхнуть оторопь. «Ворона! Нужно же ехать! Еще костюмы забирать, подарки спонсоров!», - Кира наспех залезла в первый попавшийся свитер, джинсы не по погоде, ботинки. Каблуков не носила принципиально. Хотя были моменты, когда Valli нашептывал ей о том, какой сногсшибательной красоткой она была бы, надень красное платье и высоченные каблуки.

- Ты - жертва гендерных стереотипов! - отшучивалась Кира.

- Я просто нормальный мужик. Проверишь? – тема каблуков тут же отбрасывалась прочь, как и разговоры.

***

Кира схватила свой (выбранный с учетом всех ее требований и купленный ей Германом) ноут, в котором был весь ее рабочий «инвентарь» - сценарии, музыка, игры, контакты артистов и прочие необходимые для организатора мероприятий вещи, и рванула вниз. Оказавшись на улице, поняла, что не взяла ни куртку, ни шапку – а к вечеру обещали снег с похолоданием. «Возвращаться – плохая примета!», - про-

звучала в голове заезженная строчка. Кира чертыхнулась, и метнулась назад. Схватила первую попавшуюся на вешалке куртку – ох, не по погоде легкую разлетайку. «Все равно на машине. Не околею!», - подумалось Кире.

Маленький красный Форд Фьюжн приветливо затарахтел, показывая, что хоть давно не мыт и не чищен, но довезти хозяйку сможет хоть на край света. «Малышка ты моя!», - ласково подумала Кира, постукивая пальцами по консоли, пока машина разогревалась.

Позвонить Valli сейчас? Или потом? То, что на вчерашнее Кирино сообщение он ничего не ответил, ее не напугало и не расстроило. Ему тоже нужно переварить новость. Но долго не промолчишь, в такой момент захочешь спрятаться – не спрячешься. После ее излияний Валентину нужно будет что-то решать. Прямо перед Новым годом. Прямо сегодня.

«Мне придется уехать, но куда? Это же и моя квартира. Здесь мои вещи, я ее люблю. Тут рябина за окнами. И вообще, почему я должна уезжать? Не в одной же комнате живем. Но и оставаться … как? Поискать какой-нибудь блог для разведенных – типа, 3 совета тем, кто признался в измене. 5 способов расстаться безболезненно. Что за чушь, что за фигня в голове…».

Кира тряхнула головой, машина рыкнула в такт движению хозяйки и заработала спокойно и размеренно. «Прогрелась, можно ехать. Позвоню…» - решила Кира, и взяла в руку те-

лефон.

«Катастрофически тебя не хватает мне…» - рингтон, который Кира установила на его номер, дал понять, что ее опередили.

- Valli, все, я все ему сказала! Что расстаемся. Вот, только что. Сказала. Уфф, как камень с плеч… Ты как?

Валентин воспользовался внезапным одиночеством в кабинете, спасибо секретарше Соне, родившейся за два дня до Нового года и не дождавшейся обеденного перерыва, чтобы ускользнуть по этому поводу в кафе, набрал Кирин номер. Что говорить, он пока не придумал, но решил, что его природная чуйка, помогавшая в переговорах даже с непробиваемыми клиентами, не подведет и сейчас.

- Я в порядке. Работа. Долго говорить не могу. Не знаю, что говорить. Ты просто… как гром с колокольни…

- Гром с ясного неба.

- Пусть так. Я, честно, не ожидал. Мы же даже это не обсудили? И тут рраз..

- Что не обсудили? А что тут было обсуждать? Нужно было вообще – сразу, два месяца тому назад поговорить. Мне противно на себя смотреть в зеркало. Мне врать противно, понимаешь?

- Кира, успокойся. Я не про то…

- А про что? Я про то, что если тебя люблю, то я не могу ему врать. Да он и не заслужил. Valli, а ты про что? – Кира услышала себя со стороны. Даже увидела каким-то стран-

ным внутренним зрением: она была похожа в этот момент на хищника, который приготовился к прыжку через пропасть, которая грозила ему гибелью. – Valli, ты тоже должен поговорить с *ней*.

Этого он больше всего опасался. Параллельно чувствам, которые неожиданно для Валентина оказались более глубокими и искренними, чем он мог предположить, в нем всегда звучала одна противная нота – наступит момент, когда она этого потребует. Кира не из тех, кто будет довольствоваться ролью любовницы, терпеливо ожидая следующей встречи. И не из тех, для кого такой способ отношений удобен. Нет, это он понял сразу, и предчувствие будущей мертвой петли, из которой ему, скорее всего, не выбраться, все время сопутствовало его взлетам.

- Кира, давай не сейчас. Ты возбуждена, взвинчена, расстроена. Ты не адекватна. Постарайся успокоиться. Давай часов в 7 сегодня увидимся в нашем кафе на набережной и все спокойно обсудим. Я постараюсь не задерживаться на работе!

Черт, час назад он то же самое пообещал жене, которая напомнила, что еще не куплен подарок дочери-студентке, которая завтра вернется из столицы на каникулы, не запасено спиртное для гостей и продукты для новогоднего стола. «Дорогой, я понимаю, как ты занят. Но мы же всегда новогодние покупки делаем вместе? Не будем отступать от этой нашей с тобой традиции и в этот раз, хорошо, любимый?».

- Давай вечером обо всем поговорим? Ладно, мой воин в сияющих доспехах? Все, у меня вернулся народ, не могу говорить. До вечера.

Он еще шутит! Кира со злости треснула рукой по рулю – и машина издала протяжный и громкий недовольный вскрик.

«А ты чего ждала? Что он все бросит и помчится исповедоваться своей благоверной? Слово-то какое – благоверная. Слово-словом, а она верная, в отличие от тебя, судя по всему…».

На лобовое стекло, откуда ни возьмись, упал огромный желтый лист.

Странно. Декабрь, причем, снежный, вот дворник уже дважды в день метет – все без толку. А тут – на тебе, осенний привет. «Кленовый лист, кленовый лист – ты мне среди зимы приснись», – опять промелькнула в голове знакомая строчка. Лист был похож на детскую ладошку. «Господи, вот ненормальная. Меня же Ванька ждет!».

***

Ванька появился в ее жизни совершенно случайно. Нет, совершенно *не* случайно – как была теперь уверена Кира. Примерно тогда же, когда она стала частью любовного треугольника. Хотя, иногда Кира думала, что на самом деле, это квадрат. Потому что с той же силой, что она полюбила другого мужчину, если даже не больше, она полюбила ребенка. Чужого. Детдомовского. А вчера, кроме понимания, что врать мужу больше нельзя, она поняла еще одну важную

вещь - нужно забрать Ваньку себе.

Детей Кира не очень любила. И детские праздники, которые ей приходилось организовывать намного чаще, чем взрослые. Но родители были готовы выложить круглые суммы, чтобы их чадушки были счастливы - и Кира, как человек деловой, это отлично понимала. Иногда она участвовала в благотворительных проектах, которые организовывали спонсоры – крупные компании или депутаты. Такие праздники Кира и вовсе не переносила – и старалась в них не участвовать. Ей всегда было стыдно перед ребятишками, которых, по ее мнению, просто использовали. Но от этого праздника «Прощай, осень!» для детского приюта ей отвертеться не удалось – да и проводила его компания Валентина, так что это был лишний повод увидеть его, зайти в офис на кофе по совершенно благовидному предлогу – я мероприятие провожу, нужно все согласовать, обговорить, запланировать, бюджет подписать, наконец.

Кира надеялась, что ей в самом действе участвовать не придется – хватит и организаторской роли. Но в последний момент заболел аниматор, который должен был играть рыцаря. Кира выругалась про себя, загрузила доспехи, взятые напрокат, в свою «малышку» и помчалась в детский приют.

Представление было смесью сказки с какой-то обучающей притчей, этих несвязных сценариев не счесть в интернете, вот и здесь было что-то подобное. Кира чувствовала, что опаздывает, с трудом размещенная в какой-то небольшой то

ли кладовке, то ли кандейке, доспехи были явно не по ее меркам. И она стала паниковать, что вообще не сможет облачиться в эти громоздкие и нелепые картонные копии одежды средневековых воинов.

- Да кто же придумал этот праздник дурацкий! – в сердцах бросила Кира, уверенная в своем полном одиночестве в этой конурке. Как вдруг из-за шкафа донеслось: «Кто-кто – Дед Мороз!».

Кира чуть не подпрыгнула, но в это время из-за шкафа выглянула ярко-рыжая шевелюра, курносый нос.

- А ты кто такой?

- Ваня. Ваня Семёнов. Я тут живу. А ты кто?

- Я - рыцарь.

Мальчишка, рост которого едва доходил Кире до пояса, на вид был лет шести.

- Неее, ты же тетенька… Тетеньки рыцарями не бывают.

- А кем бывают?

Мальчишка задумался и отошел на пару шагов, чтобы окинуть ее целиком внимательным взглядом.

- Тетеньки бывают принцессами! Вот ты – точно принцесса! – важно сообщил он. И посмотрел Кире прямо в глаза. И в этот момент внутри у нее внезапно выросло что-то огромное, что-то до такой степени доброе и полное любви, что от этого у Киры из глаз совершенно неожиданно брызнули слезы. А ведь она не плакала лет с 14-и, когда свалилась с забора на глазах у целой толпы дворовых мальчишек, порвала

новые джинсы, которые мама купила в рассрочку, и решила, что больше ни один мужчина в жизни ее слез не увидит. Но этот рыжий и вихрастый мальчонка Ваня стал исключением. Как догадалась Кира в тот миг – навсегда.

***

«Малышка» не подвела и быстро домчалась до приюта. Встала прямо перед воротами. По снегу было видно, что изнутри на машинах никто не выезжал. Чего церемониться? Выгрузила гору подарков, которые она приготовила к Новому году всем ребятишкам. Сегодня она приняла еще одно решение, к которому, честно говоря, была готова с первой встречи со «своим рыжиком» - про себя она только так и думала о Ване.

- О, Кирочка наша приехала! – радостно встретила ее старшая воспитательница Мария Николаевна. И стала тут же помогать с пакетами, сладостями и подарками. Кира заметила, что на окнах висят гирлянды и бумажные снежинки, и Кире захотелось решить свой вопрос как можно быстрее.

- Тамара Ивановна на месте, занята?

- Да здесь, вроде бы. С бумагами возится. А случилось что-то? – забеспокоилась Мария Николаевна, как любой подчиненный, когда речь заходит о начальстве.

- Ничего, хочу поздравить.

- Хорошо. Ты не знаешь, наверное…

Кира прибавила скорости, так и не услышав окончания фразы Марии Николаевны.

Директриса Тамара Ивановна будто сошла со страниц советских книг про школу, хотя по нынешним меркам, скорее была завхозом с функцией главной подписи. В тот момент, когда Кира со всего маху влетела в ее кабинет, она как раз сортировала очередную пачку фактур и вид имела весьма грозный.

- А, Кира, проходите, проходите. Опять спонсоры на Новый год к нам хотят попасть? Поздновато собрались, - пробормотала она, не глядя в Кирину сторону.

Кира уже по-свойски присела на краешек стула и плавно подвинула в сторону мощного бюста директрисы пакет с новогодним презентом.

- Не стоит, не стоит, зачем же! - Тамара Ивановна расплылась в улыбке и быстро убрала пакет под стол. Кира хмыкнула про себя, этот проверенный способ вернуть внимание собеседника и получить его расположения опять сработал.

- Тамара Ивановна, я к вам с серьезным разговором. Я хочу забрать ребенка. Из вашего приюта. Сначала, конечно, на выходные, а потом – и насовсем!

Тамара Ивановна слегка оторопела:

- Да, о.. как хорошо! Настоящее новогоднее чудо! Но, это так неожиданно... Что это на вас нашло? – она даже очки сняла, чтобы получше разглядеть эту странную женщину, не обремененную заботами и домашним хозяйством (собственно, Кира и не переживала никогда, что в число ее многочисленных достоинств не входит хозяйственность или домови-

тость).

- Дано собиралась, - Кира откинулась на спинку стула, изобразив совершенно уверенную и спокойную бизнес-леди. – Жилплощадь у нас позволяет. Доходы тоже. Почему бы, нет?

Тамара Ивановна слегка покашляла и, вернув очки на переносицу, задала простой вопрос, который поставил Киру в тупик:

- А что по этому поводу думает ваш супруг? Вы же замужем, верно? Он поддерживает ваше намерение?

Кира приложила все силы, чтобы ни одна черточка на ее лице не выдала весь ужас ситуации, и что супруг не в курсе, и что где-то через месяц он уже таковым являться не будет, и что она находится совершенно не в том положении, которое должно быть у будущей приемной матери.

Но отступать Кира не привыкла, поэтому ответ прозвучал уверенно и правдиво, так, что даже Станиславский вместе с Немировичем-Данченко не подкопались бы:

- Конечно, именно сегодня утром мы этот вопрос и обсудили. Поэтому я сразу приехала к вам. Мне бы хотелось, хотя я понимаю, что, наверное, это трудно устроить, чтобы Новый Год Ваня встретил дома – с нами, а после каникул…

- Ваня? Ложкарев, 14 лет?

- Нет, Семёнов, из группы малышей. Рыженький.

Тамара Ивановна уронила очки, которые начала было надевать на нос, чтобы отыскать в списке заветную фамилию

и оторопело посмотрела на Киру. Ох, и не понравилось то, что Кира увидела в этом взгляде.

- Кирочка, но… мальчика забрали…

Кира подскочила:

- Как, кто забрал? Когда? Мы же в понедельник виделись? И он был здесь! Я ему вот – купила машину, какую он хотел…

- Мне очень жаль! Будущие приемные родители взяли его на Новогодние праздники. Мы иногда такое практикуем, когда видим серьезность намерений. А здесь все серьезно. Мне, правда, очень жаль!

Лицо директрисы, редко излучавшее доброту или жалость, в этот раз не обманывало – ей и правда было искренне жаль Киру, и это означало, что она говорит правду и одну только правду. Ваню забрали. Кира опоздала. До Нового года оставалось 2 дня.

***

Кира опаздывала. Валентин приехал в кафе, где они обычно встречались вечерами, ровно к семи. Перед этим ему пришлось огорчить супругу, которая была вынуждена отправиться за покупками, впервые нарушив семейную традицию, в одиночестве. «Валя, я, конечно, справлюсь и сама. Работа это очень важно! Тем более, *твоя*. Я все понимаю. Но я совершенно не разбираюсь в сырах и вине, да и рыбу всегда выбираешь ты – у тебя это получается отменно, все гости замечают! Если ты сможешь освободиться пораньше, приез-

жай, пожалуйста, в супермаркет! Выберем хотя бы Анечке подарок вместе», - печально звучал в аудиосообщении знакомый голос, в котором за годы совместной жизни Валентин научился читать между строк, букв и пауз. «Я очень переживаю, я беспокоюсь о том, что случилось, потому что не очень верю твоим словам про внезапное совещание накануне праздника. Неужели, все очень серьезно», - вот что говорил ему подстрочник в голосе жены.

Пока Валентин плелся на своем новом белом лексусе («… зачем тебе эта бабская машина, Valli? Позорище. Розовые сопли. Дочке подари. Она оценит!» - вспомнилась ему реакция Киры на новость о покупке) по предновогодним пробкам, он несчетное количество раз пытался отрепетировать речь, которую нужно будет произнести, когда увидится с Кирой, подыскивал весомые аргументы, которые должны были… Должны были оставить все как есть. Валентин припарковался на удивление быстро, и в этом увидел знак, что все должно пройти удачно.

Столик, за которым они с Кирой так любили сидеть до полуночи в этом кафе, и за которым в тот самый вечер они без слов, только с помощью взглядов и каких-то судорожных рукопожатий, поняли, что все случится именно сегодня и так и вышло, был свободен. «Еще один хороший знак», - подумал Валентин.

Он заказал себе кофе с коньяком, а потом – просто коньяк, хотя обычно никогда не пил, если садился за руль. Бы-

ло уже полвосьмого – Кира опаздывала. Город увяз в праздничных пробках. В обычные дни проспекты, широкие и просторные, сегодня были запружены медленно ползущими авто, будто машины устремились все разом к какой-то бессмысленной, но манящей цели. Валентин вдруг подумал, что те чувства, которые как магнитом притянули их с Кирой друг к другу, были сродни этому всеобщему движению навстречу Новому Году, когда магия праздника захватывает и заполняет всего целиком, а утром одурь проходит – и остается только первоянварская пустота. «Кто-то про это говорил? Кто? Вспомнить бы. Не важно… В конце концов, почему она ставит меня в дурацкое положение? Почему я обязательно должен все рушить, становиться каким-то киношным подлецом, который не любит ни жену, ни дочь. А я люблю. И жену, и дочь, и свой дом. Почему ей не приходит в голову, что вот так сгоряча нельзя все поменять? Разом, за один день. Всю мою жизнь. Разом перечеркнуть. Выбросить двадцать лет. Поменять их – на что? На будущее. А какое оно? Да, кто знает». Валентин подумал, что Кира как река. Сносит все на своем пути, как горный поток, все рушит, не останавливается ни перед скалой, ни перед пропастью. Именно это в самом начале их отношений так возбуждало его и лишало разума, заставляло чувствовать себя на вершине страсти, когда он ощущал, что может повелевать, управлять этой стихией, может сделать так, чтобы она слушалась и подчинялась. Но в этом временном спокойствии всегда был риск, что в любой

момент река вырвется и снесет его мир, не оставит от него камня на камне. Так было с самого начала, просто он не желал в этом признаться.

«Почему она не хочет оставить все, как есть? Ну, что ей нужно еще? Ведь нам и так хорошо. Мне так хорошо, как ни с кем не было, ни с женой, даже в самое первое время, ни с теми женщинами, которые иногда появлялись в моей жизни. Разве она думает обо мне, когда бьется за эту, свою, правду? Нет. Кому будет лучше? Ее мужу, моей жене, дочери? Кому от этого всего будет лучше? Почему она никогда не думает о том, что будет дальше? Что и ей и мне придется заново устраивать свою жизнь, терпеть осуждение родителей, фырканье друзей. Как-то объяснять дочери, слушать истерики жены?», - Валентин почувствовал, что злится. И на себя, и на Киру, которая так требовала этой встречи, но почему-то опаздывает.

Но больше всего он злился на то, что все понимал с самого начала. Знал, что так будет, но все равно, как лунатик, с маниакальной тягой пошел навстречу этому вечеру, через все их с Кирой дни, вечера и ночи, которые за эти два месяца почти превратили его в другого человека. Или он подумал, что превратили. А на самом деле… На самом деле Валентин вдруг понял, что он остался собой – и он надеется, что Кира не придет.

Ему стало и горько и легко. Он посмотрел в окно и увидел свой расплывчатый силуэт на фоне сияющих за оконом

иллюминаций. Мимо проходили какие-то люди, они несли в своих сердцах праздник, мечты и надежды, возможно, они были влюблены. Валентин это чувствовал также смутно, как видел их сквозь стекло. От этого стало еще тоскливее и тревожней. «Если она не придет через пять минут, я уйду», - решил он. Через четверть часа Валентин тяжело поднялся из-за столика, оставил официанту щедрые чаевые и вышел на улицу. Шел снег. Валентин шагнул было в сторону своего большого и сияющего автомобиля, идеально вписавшегося в новогоднюю атмосферу и парковочное место прямо перед входом, но вдруг остановился, поднял голову так, что огромные снежинки стали падать и таять у него на лбу, на щеках, на губах. Он постоял, замерев, прислушиваясь к странному чувству пустоты, которое поддавливало изнутри и даже мешало дышать. Потом повернулся и пошел в сторону метро.

***

Кира опаздывала, и ничего не могла с этим поделать. Даже там, где никогда не было пробок и заторов, сегодня они как по закону подлости преследовали ее маленькую красную машину. «Да что же за день-то такой! Просто хоть ложись и умирай под эти нескончаемые новогодние песни по радио!», - злобно подумала Кира, в очередной раз нагло подрезав мужика на большом джипе в соседней полосе.

Телепаться в пробке было невыносимо. Невыносимо было и понимать, что Ваня сейчас в какой-то другой семье, не с ней, и, возможно, это уже не изменить. Хотя.. Тут Кира

включила свой природный дар искать выход из безвыходных ситуаций, который не раз помогал ей. «Еще не все потеряно! Во-первых, это только знакомство – так скажем, с потенциальными родителями. Они, может, ему и не понравятся или он им. Хотя, ну как такой мальчишка может не понравиться! Во-вторых, я ведь не сообщала о своем желании его усыновить, вот сразу после каникул и сообщу – Ванька точно от них откажется. Он же просто не знает, что я уже все решила!», - от радости Кира чуть не въехала в легковушку впереди. Ей стало намного легче, но перспектива разговора с Valli, которая приближалась хоть и медленно, тараканьими шагами, но неизбежно, снова сбросила Киру с небес на запруженный машинами проспект.

«Посмотрим, что он сейчас скажет. Что боится обидеть жену, поссориться с дочкой? Что нужно подождать? А чего ждать! Неужели не понятно, что я так не могу. Я не могу врать мужу. Каждый раз возвращаться домой и придумывать отговорки, почему я задержалась. Находить какие-то отмазки, почему не хочу с ним секса. Интересно, Valli, а ты, что ты отвечал жене в спальне все эти два месяца? Или, наверное, никаких проблем? Сначала одна, потом другая – мы же разные! Мечта, а не жизнь!» - Кира зло тормознула перед едва загоревшимся желтым сигналом. Сзади раздалось обиженное повизгивание клаксона. «Идите вы все! Хочу – и стою! Хочу – еду!», - подумала Кира, пожалев, что у нее на заднем стекле нет какой-нибудь оскорбительной для всего света на-

клеечки.

«Ты что, думал, это будет длиться бесконечно? Эти свидания не пойми где? Ты-то ходил на свою работу по графику – утро-вечер. Это я приезжала к тебе на обеде, срывалась со своих мероприятий, мчалась через весь город. Придумывала, как найти время днем в выходные, когда ты, будто бы активно качал мышцы в своем фитнес-центре с бассейном. Качал ты мышцы, да не те. Все, больше так не будет. Не-будет!», - Кира смахнула челку, воинственно нажала на газ и проскочила на красный, прямо перед мордой оторопевшего автобуса, резко вписалась в поворот и оказалась перед кафе. Было уже без четверти восемь.

«Опоздала на 45 минут. Valli, неужели ты меня не дождался?» - с тоской подумала Кира, быстро паркуя машину на свободном месте. Хлопнув дверцей, в распахнутой куртке она метнулась из машины наружу. Окна кафе сияли теплым предновогодним светом, вот их окно. Кира не удержалась и, как обычно, прислонившись к выступу, заглянула – окно было слегка покрыто изморозью, но за ним угадывался такой знакомый силуэт. Кира прижалась лицом к стеклу, все еще прячась - она пыталась угадать, что сейчас происходит внутри этого человека, внезапно и молниеносно ставшего ей таким близким, что иногда ей даже становилось страшно. С Германом такого не было никогда. Она чувствовала его заботу, знала, что он никогда не подведет и никогда не предаст ее – так повелось еще в студенческие годы. Валентин был

другим, и Кира тоже была другой с ним, такой, какую она себя не знала раньше, и эта, другая Кира, более безрассудная, рисковая, жестокая, ее восхищала, но и пугала. Ведь она и сама не знала, что от нее, этой другой Киры, ждать.

«Позвони мне! Вот прямо сейчас, набери. Спроси, где я? Почему тебе приходится меня ждать, когда каждая минута на счету – сейчас, перед Новым годом. Valli, почему ты мне не написал, не позвонил?» - подумала Кира. Она загадала, если он позвонит ей, пока она досчитает до 40, то все будет хорошо. Хо-ро-шо. Они как-то справятся, договорятся, найдут выход. Ведь не может же быть, чтобы все кончилось так нелепо, сейчас, здесь, в этом эпицентре предпраздничного безумия? Кира замерла. Она увидела, что Валентин обернулся и посмотрел в сторону окна. «Что-то почувствовал?». Но нет, он встал и направился к выходу. «Позвони мне! Ну, позвони!!!».

Кира еще сильнее вжалась в пространство за колонной, чтобы он ее не заметил. И увидела, как Валентин выходит, стоит напротив своего авто, запрокинув голову навстречу падающим хлопьям, затем медленно и как-то ссутулившись, оборачивается и уходит в сторону метро. Кира не знала, почему не побежала к нему, не догнала, не сказала то, что так и вертелось у нее в голове: «Valli, пусть, пусть все остается как есть. Только не уходи, не надо уходить вот так, молча…». Все ее чувства, обуревавшие этим днем, внезапно исчезли. Внутри осталась пустота и какое-то странное ощущение, будто бы

она не Кира, а новогодний елочный шарик, слегка надтреснутый, но с виду еще очень яркий и нарядный.

Кира открыла машину и упала на сиденье. Она еще раз проверила телефон – ни звонка, ни сообщения от него. Ничего. Рядом громоздилась огромная пожарная машина, которую она купила для Вани. Кира погладила руль: «Ну, что, малышка. Хотя бы ты меня не бросила. Поехали домой, к Гере. Нужно как-то вытерпеть этот день до конца. А завтра… завтра будет легче. Наверное…». До Нового года оставалась одна ночь.

***

Когда Кира добралась до дома через все пробки, да еще и пару раз покружив по микрорайону, в надежде оттянуть встречу с мужем, была полночь. Кира окунулась в знакомую темноту прихожей, на автомате повесила свою куртку, стянула ботинки и, стараясь быть незаметной, насколько это вообще возможно, скользнула на кухню.

- Кир, ты? Я уже начал волноваться.

Герман включил торшер, под которым Кира так любила сидеть вечерами.

- Есть хочешь? Кофе?

- Водки. Нет, воды дай.

Кира забралась в кресло с ногами и настороженно замолчала.

Герман налил стакан воды, протянул ей и сел напротив.

- Вот только не сейчас! Давай завтра. Только не заводи

сейчас разговор, как мы будем дальше. Я просто, просто не в состоянии! Ты вообще не представляешь, какой кошмарный был день.

Она судорожно глотала теплую воду и чувствовала, что вот-вот – и слезы потекут прямо в пустой стакан, и тогда вода станет похожей на морскую, ласковую, такую нежную с ней, которую Кира так любила.

- Хорошо. Поговорим о… о нас после. Но сейчас надо решить, как провести выходные. Видишь ли, у нас гость, который не в курсе всей этой истории. Да ему и не надо быть в курсе.

Кира чуть не поперхнулась.

- Гера!!! Какие гости? Ты сбрендил? Нам только гостей не хватало! Опять какие-то дальние родственники или друзья детства? – Кира даже подскочила от возмущения.

- Тише, разбудишь. – Гера улыбнулся.

- Ты точно издеваешься. Мазохист ненормальный. Я думала, приду – а в коридоре ты мне чемодан с вещами уже выставил. А ты – гостей приглашаешь!

Кира вылетела из кухни так быстро, что Герман даже не успел подняться и остановить ее.

«Куда же он их разместил? Ага, в пустую комнату! Вот почему завел разговор про ремонт! Точно, знал заранее – и молчал! Гости, значит, у тебя? Сейчас будет всем веселая ночь!», - яростно пронеслось у Киры в голове. Она со всего размаху распахнула дверь в комнату и замерла на месте.

Посередине на надувном матрасе, который они с Герой брали в походы на озера, в мягком свете ночника спал ребенок. Мальчик, с рыжей непослушной челкой. А рядом уютно свернувшись в комок спал большой рыжий кот Михаил.

Кира осторожно опустилась рядом на пол и, до конца не веря происходящему, потрогала знакомые мягкие вихры. Ванька засопел еще громче, а кот, потревоженный ее вторжением недовольно ударил хвостом. Кира обернулась и увидела силуэт Германа, стоящего в дверях. Она еще раз потрогала сонного малыша, накрыла его белым пушистым пледом, похожим на снежное облако.

Герман аккуратно прикрыл дверь, и они вернулись к столу.

- Гера, я ничего не понимаю. Как это? Мне же сказали, что Ваньку забрали другие люди? Как ты вообще узнал о нем?

- Кир, ты как обычно, ничего не замечаешь вокруг себя. Нет, это не упрек. Просто ты такая. Ты же про него все уши прожужжала своей Светке.

- Ты меня подслушивал?

Герман поднял брови:

- Ты просто не замечаешь, как громко разговариваешь по телефону.

- Но как ты его нашел, как понял, что это Ваня?

- Посмотрел фото.

- Ты рылся у меня в телефоне? Гера!

Муж покачал головой, и Кира притихла.

- Ладно. Но как ты приют нашел?

- Позвонил твоей начальнице. Спросил, кому вы проводили праздники, что хочу на работе порешать со сбором подарков. Вот и все.

Кира замолчала и отвернулась. Вся тяжесть этого дня вдруг навалилась на нее огромным снежным комом. Слезы подступили и начали свой исход. Кира хлюпнула носом и вытерла щеку ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.